
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫХ НОРМ В ДИАЛОГЕ «ВЗРОСЛЫЙ—РЕБЕНОК»

Ю.В. Каховская

Кафедра русского языка и методики его преподавания
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена обзору проблемы функционирования конвенциональных норм в диалоге «взрослый — ребенок».

Ключевые слова: общение, конвенциональность, диалог, коммуникация, обращение, взрослый, ребенок.

«Правила этноса приводят к бесконечной продолжительности диалога...» — писал Ю.В. Рождественский о непрерывности коммуникативной жизни человека [2. С. 9]. Особенности построения коммуникативного процесса зависят от комплекса внешних условий. «Ярче всего синкретическая природа речи проявляется в диалоге и притом в тесной функциональной связи с формами „бытового контекста“, с обстановкой» [1. С. 19].

Исследователи-лингвисты указывают на основную особенность диалога: участие в процессе коммуникативного взаимодействия адресанта (говорящего), устанавливающего конкретное направление развития общения, и адресата (слушающего), не имеющего возможности изменить заданное направление.

Диалогическое взаимодействие предполагает осуществление определенных целей: передачу информации и оказание социального воздействия на собеседника. Цель общения адресанта определяет стратегию ведения диалога. Л.Л. Фёдорова выделяет виды стратегий (содействия, противодействия, подчинения цели, выбранной инициатором диалога) и типы речевых воздействий:

— социальное воздействие (приветствие, прощание, благодарность, извинение);

— волеизъявление (приказ, просьба, призыв, совет) и реакции на него (согласие, несогласие);

— разъяснение и передача информации;

— оценочные высказывания (похвала, одобрение, оправдание, осуждение, обвинение, утешение и т.д.) [3. С. 48—49].

Рассмотрим особенности ведения диалога в ситуации общения взрослого с ребенком. Как и в любом диалоге, жесткость соблюдения правил зависит от социальной сферы, где протекает речевое взаимодействие. Условно правила можно разделить на институциональное общение (в школе, в детском саду) и семейно-бытовое. Соблюдение конвенциональных норм в первой группе обусловлено принципом кооперативности совместно решаемых задач, а общение во второй группе носит личностный характер, часто отрицающий общепринятые установки

и правила. Особенности структуры диалога в семейно-бытовой сфере зависят от многих факторов (степени родства, родовой принадлежности участников общения, от цели и задач говорящего).

Выделение в речевом общении фаз может опираться на ритуальный характер, где реализуются макроинтенции (главные мотивы общения). Основная функция инициальной фазы общения — установление контакта.

Ну что, Илюха, как дела? (дядя (36 лет, высшее образование), обращаясь к ребенку в возрасте 2,8 лет).

Ух, Илюха! Богатырь! Здраваться будем? (дедушка (66 лет, без высшего образования), обращаясь к ребенку 2,8 лет).

Здравствуй, сынок!; Сынуля, привет! (отец (37 лет, высшее образование, обращаясь к сыну в возрасте 2,8 лет).

Илюшенька, кисюля, здравствуй, мой хороший! (бабушка (65 лет, неполное высшее образование) при обращении к ребенку 2,8 лет).

Полечка, моя девочка, здравствуй! (бабушка (65 лет, неполное высшее образование) при обращении к ребенку 6 лет).

Дорогие мои, сейчас мы будем говорить о празднике, который нас ждет! (женщина, 45 лет, воспитатель детского сада при обращении к детям 4,5—5 лет).

Конечно, мои хорошие! Сейчас будем рисовать (женщина, 35 лет, воспитатель детского сада при обращении к детям 2,5—3 лет).

Друзья мои, посмотрите внимательно на доску!.. (женщина, 39 лет, учитель при обращении к детям в возрасте 10—11 лет).

Особенности фазы (интенциональной, финальной) диалога могут свидетельствовать о степени кооперативности или конфликтности отношений между коммуникантами (взрослым и ребенком). О напряженности беседы в данной ситуации свидетельствует форма обращения и интонация. Обращение представляет собой полную форму имени, а интонация получает определенный вектор. В целом, употребление видов интонации (от повышающихся к понижающимся) связано с дифференциацией дискурсных позиций: начальной (*initiated*) — мелодика повышения, срединной (*continue*) — неконечная мелодика, и завершающей (*terminate*) — мелодика понижения.

Обращение — важнейший элемент контактирования. Если человек начинает общение, он должен привлечь внимание потенциального собеседника, сделать его адресатом. Обращением может служить личное имя, номинации родства. Необходимо отметить, что «в русской картине мира личное имя и термины родства обладают множеством форм именно в функции обращения» [4. С. 33]. Особые усечения: «Наташ!», «Вань!», формообразования «Голубчик», «Золотце!» передают определенную тональность общения: непринужденную, дружескую, иногда фамильярную. Такие обращения называют регулятивами, так как они придают нужный стиль, отмечают распределение ролей.

Необходимо отметить наличие коммуникативных гендерных стереотипов — особенностей мужского и женского стилей общения (включая речевое). До недавнего времени пол являлся важнейшим фактором регулирования общения, а стили «женского» и «мужского» языков считались взаимоисключающими: мужской язык

как норма считался проявлением патриархального социального порядка, рассматривался как средство интенционального создания мужского доминирования в коммуникации, воплощения силы и власти.

В современном мире различие между мужским и женским поведением не является априорным, а между полом человека и его речью существует опосредованная связь. Речь мужчин, в частности пап, обычно характеризуется как отклоняющаяся от «нормы» меньше, чем речь женщин [6. С. 17]. Характерными особенностями «женского стиля» общения являются экспрессивная интонация, вербальная демонстрация внимания к словам собеседника, четкая паузация. В работе [6] анализируется речь взрослых, мужчин и женщин, родственников ребенка, воспитателей, учителей, знакомых и чужих ребенку людей.

Гендер воспроизводится и на уровне языковых средств. Так, например, женщины (чаще мамы, бабушки — связанные родственными связями или в тесном контакте с адресатом) при обращении к ребенку в возрасте от 2 до 12 лет чаще используют уменьшительно-ласкательные формы имени или домашнего прозвища с суффиксами -очк-/-ечк-, -юш-, -еньк-, -яш-: *Танечка, Танюша, Танюшенька, Полечка, Полиночка, Ульяша, Марьяша, Илюшенька, Илюнечка* и т.д. Сравним с мужским вариантом обращения к тем же детям того же возраста: *Танюля, Полюня, Понюля* (от *Поля*), *Илюня, Юлюня, Манюня* (от *Маши*). Также женскому стилю общения в большей степени свойственно употребление в качестве обращений домашних прозвищ (часто в уменьшительно-ласкательной форме): 1) относящихся к сфере флоры и фауны (*Котик, Зайчик, Котенок, Мышонок, Тигренок, Цветочек*); 2) относящихся к светилам (*Солнышко, Звездочка*); 3) обозначающих родственные связи (*сыночек, доченька, дочушка, сыночка, дочуля, сынуля, дочуня*). В первой и второй группе обращения могут употребляться независимо от пола адресата. В таких случаях грамматический род является проявлением тенденции к экспансии мужского рода. Мужчины в своих обращениях к мальчикам в возрасте 2—11 лет часто употребляют фамильярно-грубоватую, небрежную форму обращения, но не несущую в данной ситуации отрицательной коннотации: *Илюха, Танюха, Леха, Илька, Лёсик, Кирюха* и т.д.

Возможны ситуации, когда интенция зова осложняется эмоциональным недовольством:

Таня! Я к тебе обращаюсь! Совсем от рук отбилась! (мама, 35 лет, высшее образование, при обращении к ребенку 12 лет).

Полина, иди есть! Я кому говорю, а?! — Не пойду! Не хочу, я уже ела в детском саду! — Ты ела, когда был обед, а сейчас ужин! — Ну и что! Я и ужин ела!.. (диалог мамы и дочери 6 лет).

Стоит отметить, что особые формы обращений употребляются адресантом-взрослым по отношению к детям не только в устной речи, но и в литературе, ориентированной детской аудитории читателей: *Николенька-гусачок По бережку скачет, Белу рыбку ловит, Бабушку кормит* [5. С. 4].

Своеобразие речевых действий контакта проявляется в теме, способах реагирования на тему диалога и на речевое действие партнера. В любом случае, несмот-

ря на то, что нельзя заранее определить с учетом особенностей конкретной ситуации, как будет развиваться коммуникативное взаимодействие, участники общения могут выбрать единую стратегию — вежливость как основу содействия, которая будет влиять на выбор речевых средств.

Общеизвестно, что в практике речевого общения принцип вежливости реализуется путем использования различных тактических приемов, которые формируются в виде постулатов и максим [7. С. 49]. Одной из таких максим является максима одобрения, играющая одну из самых важных ролей в ситуации общения «взрослый — ребенок» вне зависимости от сферы общения.

Суть максимы одобрения состоит в необходимости похвалы и поощрения собеседника. Так же, как и в общении «взрослый—взрослый», при диалоге с ребенком применение данной речевой стратегии (похвалы и одобрения) направлено на обеспечение адекватного развития речевой ситуации, в частности, на установление коммуникативного контакта, нейтрализацию элементов агрессии и достижение коммуникативного соглашения. Похвала при общении с детьми может быть выражена по-разному, в зависимости от сферы общения, возраста коммуникантов и их взаимоотношений:

Молодец, мой золотой! Вот нарисовал — так нарисовал! Умница просто! (женщина, няня, 62 года, в разговоре с ребенком 3,5 лет).

...Романов — «пятерка». Мне, кстати, вот работа Степана очень понравилась! Просто молодец! (мужчина, 24 года, учитель на уроке при обращении к ученику 5 класса, возраст 11 лет).

Одной из особенностей выражения похвалы взрослые (в возрасте 20—40 лет) используют следующие слова оценочной лексики: *хорошо, отлично, окей, прекрасно, perfect, beautiful, просто шедеврально, классно, супер, уау.*

Ты очень классно спела! (женщина, 30 лет, ведущая телешоу при разговоре с ребенком 7 лет).

Вы дали жару! Круто! Молодцы! (мужчина, 30 лет, ведущий телешоу при разговоре с детьми 8—11 лет).

У-е! Вау! Молодец! (женщина, 30 лет, ведущая телешоу при обращении к ребенку 11 лет).

Умничка! Вот это голос! Просто perfect! (мужчина, 30 лет, ведущий телешоу при обращении к ребенку 12 лет).

В ситуации утешения ребенка взрослым часто используется форма «мы», что придает общению ощущение совместности действия, и форма 3-го лица, хотя речь ведется от 1-го лица:

Сейчас мама подует, и все пройдет (мама ребенку 3,5 лет).

В светлом теремочке Выросла Лизуша, Люди ее любят, Все ее голубят [5. С. 6].

Мы еще поучим, и все получится! Пятерка нам обеспечена! (мама, 40 лет, в разговоре с ребенком 9 лет).

Отмечены также случаи употребления императива для выражения сочувствия и поддержки, «снятия» волнения:

Как ты, мой хороший? — Ничего. Только во рту пересохло. — Ничего! Давай! Нос выше! Держись! (женщина, 33 года, телеведущая, в разговоре с ребенком 10 лет).

Форма несогласия, отказа может быть выражена с помощью сочувствия. Применение подобных приемов в большей степени свойственно женщинам (в ситуации общения с детьми): обращение к чувствам собеседника — ребенка, особенно к ребенку младшего возраста. Отметим тот факт, что чем младше ребенок, тем более подробным становится развертывание высказывания, содержащего отказ или несогласие.

Катюша, здесь ты попалась! (в значении «здесь ты допустила ошибку»), (женщина, 42 года, учитель, при обращении к ученице 10 лет).

К сожалению, мы не сможем поехать. Папа заболел, а без него мы не доберемся в такую даль (мама, 35 лет, в разговоре с ребенком 6 лет).

Сынок, я не дам тебе телефон. Ты его сломаешь, и все... (мама, 37 лет, в разговоре с ребенком 3 лет).

Подобный прием больше свойственен женщинам. Мужчины более категоричны и прямолинейны в своих высказываниях (в том числе и при общении с детьми). Восемь из десяти опрошенных мужчин выразили свой отказ (несогласие) следующим образом:

Я против этой поездки, Ульяна! (отец, 36 лет, в разговоре с дочерью 9 лет).

Мне кажется, тебе не следует туда ехать! (отец, 37 лет, в разговоре с дочерью 12 лет).

Тебе это не нужно! (отец, 37 лет, в разговоре с ребенком 6 лет).

Языковыми средствами реализации стратегии несогласия в случае выражения категорического возражения могут являться слова с экспрессивной негативной семантикой: *ерунда, чепуха, вздор*.

Мам, мы с девочками собираемся пойти в парк снимать фильм. — Это просто ерунда! Ты видела, какая погода? (разговор мамы и дочери 11 лет).

Одним из приемов завуалированного (непрямого) отказа является отстраненное указание на протяженность во времени: *Посмотрим!; Надо подумать!*

Пап, ты купишь мне лошадку? — Посмотрим! (отец, 37 лет, в разговоре с ребенком 6 лет; обычно употребляет данную фразу в ситуации, когда точно знает, что его ответ и последующие будут отрицательными).

В ситуации, когда необходимо попросить выполнить действие, обычно используются формы императива. Здесь также необходимо отметить особенность, связанную с введением просьбы:

Ульяна, открой, пожалуйста, окно. Жарко (женщина, 34 года, при обращении к ребенку 9 лет, домашняя обстановка).

А ну-ка покажи мне все грани пятиугольника! (отец, 37 лет, при обращении к дочери 11 лет).

Интересно было бы узнать, почему вы, Иванов, опоздали на урок? Будьте добры приходите вовремя. Садитесь! (мужчина, 41 год, учитель (высшее образование) ученику 6 класса).

Ввод вопроса может мотивироваться необходимостью выяснения какого-либо вопроса с проявлением категоричности. Такая форма свойственна институцио-

нальной сфере общения (в частности, педагогической): *Мне важно выяснить; мне важно узнать* и т.д.:

У меня к вам вопрос: назовите основные признаки наречия (женщина, 42 года, учитель при общении с учениками 11—12 лет).

В случае если говорящий (взрослый) вербализирует просьбу слишком эмоционально, она может выражаться эмфатическим повтором:

Доченька, почему бы тебе не лечь спать? Ложись! Поздно уже! (мама, 33 года при обращении к ребенку 11 лет).

Форма выражения императива зависит от возраста ребенка, сферы, где происходит общение, общей тональности диалога. Например, при обращении к ребенку 2,5 лет:

Давай, мой хороший, вези сюда машинку, вези! Давай-давай! (бабушка, 65 лет, при обращении к ребенку 2,5 лет).

Немедленно иди домой! Ты на музыку опоздаешь! (мама, 33 года, при обращении к ребенку 11 лет).

Для выражения императива могут быть использованы существительные и другие части речи:

Сядьте ровно! Спинки! (имеется в виду «держите ровно спинки») (женщина, 41 год, учитель, при обращении к ученикам 7—8 лет).

Кто следующий? Антон, пожалуйста! (в значении «отвечай!»), (мужчина, 41 год, учитель при обращении к ученику 11 лет).

...Хлор с водородом. Формула? (в значении «назовите формулу»), (женщина, 42 года, учитель в вопросе ученикам 13 лет).

Форма императива может быть выражена с помощью формы глагола 2 л. мн. ч.:

Кричим! Кричим! (недовольно, в форме замечания, в значении «не кричите!») (учитель, 41 год, ученикам 7—8 лет).

Взрослые в построении своей речи, обращенной к детям, часто используют языковые элементы, служащие для заполнения пауз — хезитации: *вот; просто; прям* и т.д.:

Мне, прям, нрави[ц]а (бабушка, 62 года при обращении к ребенку 6 лет).

Основная особенность речи взрослого при общении с ребенком заключается в том, что он должен отразить в своем высказывании только то, что известно ребенку, обращаясь к конкретной ситуации и учитывая возрастную категорию собеседника. Речевое поведение взрослых, его стилистические особенности влияют на усвоение ребенком полученной информации и воспроизведение им речи взрослого: активные дети подражают речи воспитателей с демократическим стилем, а исполнительные дети — воспитателя с авторитарным стилем общения.

В любом случае процесс освоения ребенком культурных конвенции напрямую связан с речью взрослого, в первую очередь родителя, воспитателя, учителя —

всех тех, кто оказывается в непосредственном коммуникативном контакте с ребенком. Речь взрослых координирует правила поведения (в том числе и речевого), в ней отражаются представления о коммуникативных нормах.

Принцип вежливости соотносится с принципом сотрудничества, добродушной шутки и иронии и реализуется как система более частых правил или максимум поведения — *будь тактичен; будь великодушен; будь скромн.*

В ряде случаев говорящий (взрослый) прибегает к своеобразной маскировке своих интенций: использование намеков, недосказанности, противоречивых и уклончивых ответов. К языковым средствам, используемым в различных стратегиях вежливости, относятся эвфемизмы, модальные слова, обращения, маркированный пассивный залог, сослагательное наклонение.

В заключение еще раз подчеркнем важность знания и употребления речевого этикета, особенно в общении с детьми, так как именно в общении с взрослым формируется конвенциональность ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. — М., 1963. [*Vinogradov V.V.* Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika. — M., 1963.]
- [2] *Рождественский Ю.В.* Типология слова. — М.: КомКнига, 2007. [*Rozhdestvenskij Yu.V.* Tipologiya slova. — M.: KomKniga, 2007.]
- [3] *Фёдорова Л.Л.* К понятию коммуникативной компетенции: Дисс. ... канд. филол. наук. — М., 1980. [*Fedorova L.L.* K ponyatiyu kommunikativnoj kompetencii: Diss. ... kand. filol. nauk. — M., 1980.]
- [4] *Формановская Н.И.* Коммуникативный контакт. — М.: ИКАР, 2012. [*Formanovskaya N.I.* Kommunikativnyj kontakt. — M.: IKAR, 2012.]
- [5] Хрестоматия для дошкольников от 4 до 5 лет. — М.: Астрель, 2002. [*Xrestomatiya dlya doshkolnikov ot 4 do 5 let.* — M.: Astrel, 2002.]
- [6] *Advances in the psychology.* — London, 1982.
- [7] *Leech G.* Rethinking anthropology. — London, 1961.

THE SPECIFICS OF CONVENTIONAL NORMS IN THE DIALOGUE “ADULT-CHILD”

Y.V. Kakhovskaya

The Chair of the Russian Language and Methods of its Teaching
Peoples' Friendship University of Russia
10, Miklukho-Maclaya Str., Moscow, Russia, 117198

The article reviews the problems of conventional norms functioning in the dialogue “adult — child”.

Key words: communication, conventionality, dialogue, communication, forms of address, adult, child.